

Жирафы, львы и врата ада

Люди всегда испытывали жгучий интерес к аду и раю. Если бы их можно было посетить в рамках туристической поездки, мало кто устоял бы перед соблазнами: посмотреть, вернуться, обогатившись впечатлениями, — что может быть лучше... К сожалению, это связано с проблемами: билеты продают только в одну сторону. И вот что любопытно: люди определенно не хотят попасть в ад, у него плохая репутация, и это понятно. Но почему-то они, в основной своей массе, не спешат и в рай!

Помню, к нам в дом заходил человек, который казался тогда мне, ребенку, глубоким стариком. Он прожил тяжелую трудовую жизнь и выглядел неважно: поднимаясь к нам по лестнице, хрипел, хватался за бока — в общем, вызывал жалость. Я был хорошим, сердечным, отзывчивым мальчиком четырех лет от роду, мне было искренне жаль его. Однажды я подошел к нему и от всей души пожелал, чтобы он как можно скорее оказался в раю. Я был просто поражен эмоциональностью его отношения к затронутой мной теме. Он специально приходил к родителям с вопросом, кто научил ребенка этим гостям, и даже пожаловался моей бабушке.

Разговор об аде, как всякий серьезный разговор, стоит начать с терминологии, а точнее — с проблем, связанных с нею.

Есть слова, которыми мы обозначаем привычные и общеизвестные понятия. Собака, лошадь, стул, стол — отличные тому примеры. Но, допустим, ребенок в первый раз попадает в зоопарк. Некоторых животных, которых он видит, он может узнать без труда — скажем, зебру, знакомую ему и по картинкам, и по песенке, которую пел в детском саду.

Предположим, что малыш никогда не видел на картинках жирафа и не слышал о таком животном. Увидев его впервые, он попытается понять, что же это такое. Вот тут-то и начнутся проблемы, потому что в мире, окружающем его, в его повседневности у него нет готового термина для этого феномена. Захлебываясь от восторга, он рассказывает маме о странном животном и для этого вынужден синтезировать некий образ из доступных ему понятий.

Эта проблема известна издавна. В старину путешественники, возвращаясь из дальних странствий, пытались рассказать своим землякам об удивительных вещах, которые они там видели. Зачастую эти описания звучат как сказки, фантастика, так складывались мифы. Многие из мифических животных имели вполне реальные прототипы, но у путешественника просто не хватало слов, чтобы адекватно их описать. Готовя иллюстрированное издание своих мемуаров, он описывал зверя художнику: это нечто вроде большой лошади, но лапы у него намного длиннее, хвост наминает ослыный, а шея длинная-длинная и голова как у верблюда с рогами. Художник добросовестно пытается перенести все услышанное на бумагу, но у него получается чудовище, даже отдаленно не напоминающее жирафа.

Один из самых распространенных мотивов еврейского прикладного творчества в синагогах России и Польши в последние несколько столетий —

львы. Их изображения украшали титульные листы Талмуда, мастера лепили, строгаи и вышивали их с любовью и прилежанием, но на что они были похожи? Нет, ремесленники знали, что в природе существует лев, они читали о нем в книжках и имели некоторое представление об этом животном, но в жизни, разумеется, лева никогда не видели. Результат был соответствующий. Кстати, ничего специфически еврейского в этой проблеме нет: в Москве и Петербурге и сегодня можно увидеть на старинных литых оградах и воротах некую помесь медведя со свиной с разнутой пастью, призванную изображать царя зверей. Сегодняшние дети, выросшие на передаче «В мире животных», указывая на них пальцами, спрашивают бабушек: «Что это?»

Итак, допустим, я имею представление о том, что происходит в раю или в аду, но из любой попытки выразить это получится варварская смесь обрывков образов и ассоциаций, с помощью которых я попытаюсь передать свое знание. Возьмем, к примеру, адские муки. Если на приеме у врача пожалуюсь на боль, тот, несомненно, начнет расспрашивать, какая именно боль меня беспокоит: пульсирующая, ноющая, тянущая, стреляющая? Зачастую этих приблизительных описаний достаточно для того, чтобы установить диагноз и прийти к выводу, с чем мы столкнулись — с острым аппендицитом или сердечным приступом.

А ведь страдания бывают не только физическими. Юноша влюбился, был отвергнут. Ему, без всякого сомнения, больно. Как передать эту боль, как рассказать о ней, как ее определить: как стреляющую, колющую, тянущую?

Еврейская классическая литература не уделяет большого внимания описаниямрая и ада. Тому есть две причины. Первая, уровень наших знаний о них ни на что не влияет. Вторая: все, что я смогу сказать или написать об этом, не будет соответствовать той реальности, с которой я рано или поздно столкнусь.

Суверенностью можно сказать, что ад не оснащен скорородками для поджаривания грешников. Тем не менее, есть описания, например, ледяного ада и огненного. Эмоциональные, страстные люди, грешившие активно, идут в ад огненный, а в ледяной ад люди попадают за уклонение от добрых дел, за душевную лень и равнодушие. Наверняка есть те, кого будут перебарщивать из одного ада в другой. Это, к примеру, тот, кто не может пройти мимо красивой женщины, зато нищий на улице попросту не замечает.

Не надо быть большим теологом, дабы понять, что душу невозможно ни заморозить в холодильнике, ни поджарить на сковороде. Мы просто пытаемся описать то, о чем у нас нет ни малейшего представления. В такой ситуации из всего богатого интеллектуального набора остаются одни метафоры. И все эти описания, какими бы краткими они ни были, преследуют только одну цель: создать зримую картину иной, неведомой реальности.

С догматической точки зрения все предельно ясно: иудаизм предполагает веру в наказание в аду и вознаграждение в раю. Но при этом ад

рассматривается нами не как конечная точка бытия, а как промежуточное состояние души. В каком-то смысле ад — это некая ступень между реальностью этого мира и иной, абсолютно не замутненной реальностью мира духовного.

Ад предназначен для того, чтобы трансформировать душу и обеспечить ей переход из одного состояния в другое, приспособить ее к иной жизни. Ведь в этом мире не только тело человека живет в физической реальности, но и его душа. Взаимодействуя с плотью и оживляя ее, она постоянно соприкасается с материальной реальностью и воспринимает мир через призму физического бытия.

Коснемся такой популярной темы, как переселение душ. Душа приходит в этот мир, облачаясь в тело новорожденного ребенка. А что если она «проснется» не в младенце, а, скажем, в теле таракана? В известной новелле душа поэта переселяется именно в него. Бедняга пытается снова сочинять стихи, но они, если и получаются, будут тараканскими, ведь душа, заключенная в этой оболочке, неизбежно проявляется лишь в том спектре возможностей, которые предоставляет это тело. И вне зависимости от того, какого уровня душа «одета» в черный хитиновый панцирь, она все равно будет воспринимать мир по-таракански. Это, кстати, одно из самых страшных из известных нам наказаний для души человека.

Что есть человек? Душа — нечто весьма возвышенное, не от мира сего. Всевышний берет эту высокую душу и загоняет ее в тело почти безвольной обезьяны. Это мы и есть. Разница между ДНК гориллы и человека невелика. Мы мало чем отличаемся от этих приматов, которые живут своей, почти человеческой, жизнью на воле или в вольерах. В общих чертах мы воспроизводим в своем поведении, взаимоотношениях, снах те модели, которые известны исследователям обезьяньих стад.

Если для нас очевидно, что помещение человеческой души в тело таракана является наказанием для нее, то почему бы нам не пойти дальше и не попытаться представить себе, что должна чувствоваться душа, когда ее одевают в наше тело?

И вот душа покидает плоть, человек умирает. Это не разрыв, как бы привыкли думать, когда тело уходит в небитие, превращаясь в тлен, а душа, освободившись от балласта, воспаряет. Проблема в том, что душа на протяжении пятидесяти, шестидесяти, семидесяти — кому как повезет — лет пребывания в теле адаптировалась и разучилась существовать вне него.

Некогда наши предки были рабами в Египте. И долгие годы Исхода поноздавались для того, чтобы освободить их от рабской психологии. Побыв определенное время рабом, человек начинает воспринимать мир через призму системы «раб-хозяин». Для него мир хозяев и есть тот идеальный, истинный мир, к которому надо стремиться.

В современной психологии описано явление, которое получило название «стокгольмский синдром». В середине семидесятых годов террористы захватили группу шведов, выдвинули требования к властям этой страны и несколько недель, пока шли переговоры, удерживали заложников. За короткое время, проведенное вместе, шведы, что называется, «прикинулись». Они начали подсказывать терро-

ристам, как и что им лучше делать, чтобы добиться своего — словом, полностью идентифицировались со своими похитителями.

При жизни человека его душа находится в симбиозе с телом, в каком-то смысле она в плену у него. И когда душа освобождается, она не готова к этому, во многом оставаясь в зависимости от той физической оболочки, в которой жила. Когда тело умирает, душа не возвращается к своему изначальному незамутненному состоянию, продолжая по инерции мыслить и существовать так, словно она до сих пор пребывает в плену у плоти.

Многим знакомо понятие «фантомные боли», ощущение боли в ампутированной части тела. Если таковы ощущения человека, потерявшего палец, то что же должна чувствовать душа после «ампутации» тела?

Итак, первый этап посмертных страданий души можно уподобить фантомной боли тела, которого больше нет. Это и есть начало ада, его врата. Расставание с телом происходит не сразу, рвутся нить за нитью. Это чувство отчасти знакомо людям, потерявшим всех близких: со смертью каждого из них они хоронили часть самих себя. Важно понять, что это не наказание. Это боль, но никоим образом не кара за грехи. Если уж наказание, то за любовь к бренному телу.

Этот первый уровень, в принципе, уготован подавляющему большинству людей, за исключением тех немногих, кому хватило сил и ума сохранить дистанцию, отстраниться, жить в теле, не влюбляясь в него и не привыкая к нему. Это не камера экзекютора, а баня, в которой изрядно помятые и перепалканые души оттирают, моют и желтуху исключительно чистоты ради.

Таковы врата ада. Не удивительно, что ни у кого нет особого желания поближе познакомиться с тем, что происходит внутри.

Адин Штейнзальц

«ЛИМУДИМ»

Программа изучения еврейских источников

Вашему вниманию предлагается программа самостоятельного изучения классических еврейских текстов - «ЛИМУДИМ». Если вы хотите самостоятельно изучать текст Торы, больше узнать о еврейской культуре и лучше понимать ее особенности, обращайтесь к нам по адресу:

Институт изучения иудаизма в СНГ, Москва Ю9240 а/я 44.

Электронный адрес в Москве: lamed@online.ru

Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161. Наш Интернет-сайт содержит учебные и методические пособия, а также информацию о еврейской традиции, истории и культуре.

Его адрес: www.judaicaru.org

Скончался Александр Гинзбург

Ветеран советского диссидентского движения Александр Гинзбург скончался утром в пятницу в Париже. Гинзбург родился в 1936 году, в 1959-1960 годах основал один из первых самиздатских журналов «Синтаксис», был одним из основателей Московской Хельсинкской группы. В 1979 году Гинзбург был выслан из СССР. Жил в Париже, являлся создателем газеты «Русская мысль». //«Эхо Москвы»

Андрей Дмитриевич

В начале июля 1978 года, находясь с театром на гастролях в Калуге, слушая вечером, как обычно, БиБиСи, я узнал, что в городе открывается процесс по делу Александра Гинзбурга, распорядителя Фонда Солженицына. Этот фонд, основанный на гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ», был учрежден Солженицыным для помощи политическим заключенным в СССР и их семьям. На следующий день в местной газете появилась маленькая заметка, сообщающая, что в городском суде начинается дело «об антисоветской деятельности А. Гинзбурга, проживавшего на территории калужской области». Расспросив, где находится суд, я после репетиции направился туда.

Суд располагался в живописном месте, напротив Дома пионеров, на высоком обрыве, откуда открывался совершенно удивительный вид на бескрайнюю даль. С одной стороны здание суда граничило со старым парком, отделенное от него оградой, поросшей кустарником, с другой стороны через дорогу – огромный овраг. Попасть к зданию можно было только по единственной дороге, оканчивающейся тупиком. Уже на подходе было много милицисских постов, но пропустили без препятствий.

Перед зданием суда на равном расстоянии друг от друга прохаживались или стояли крепкие молодые парни в штатском, чья выправка сразу давала понять для чего они здесь (Как выяснилось позже, они были командированы из Москвы и мы жили в одной гостинице). Среди этих молодых одиноко выглядела средних лет милиционер, казавшийся чем-то инородным. Недалеке в небольшом скверике стояла группа из шести-семи человек. Молчали, чего-то ожидали. По обе стороны входа на стульях сидели «малышки». Я подошел, мне предложили путь, спросив, куда я направляюсь.

- На процесс.
- Ваш пропуск.
- Какой пропуск может быть на открытый процесс?
- Дело в том, что зал небольшой, и не может вместить всех желающих.

Я это уже слышал на «самолетном процессе», но здесь вежливо, спокойно.

Я отошел в сторону и огляделся. Что-то было почти нереальное во всем этом: тихий теплый день, солнце, пробивающееся сквозь листву деревьев; лениво прогуливающиеся молодые люди в штатском; группа неважно одетых с усталыми лицами молодых уже мужчин и женщин; какой-то корреспондент с иностранным фотоаппаратом на плече, любопытно осматривающий все вокруг; под деревом на спортивной сумке в сером костюме одиноко сидящий высокий мужчина средних лет. И тишина. А там, внутри здания идет суд, к которому приковано внимание всего мира, решается судьба человека, а может и не одного! Все это складывалось в единую картину, не стыковалось одно с другим.

Неожиданно на дороге появился энергичный молодой человек, и смело направился к входу в здание суда. Привычным движением руки показал удостоверение и на приличном русском сказал, что он корреспондент «Франс пресс», специально прилетел из Парижа освещать процесс. Ему сказали, что в зале нет мест. Он предложил постоять.

- Одну минутку
Дежурный ушел внутрь здания. Все с интересом ждали, чем это кончится.

Через некоторое время дежурный вернулся и сказал, что не разрешают... по причине пожарной безопасности.

Минут через пять из дверей почти выбежала молодая, но уже поседевшая женщина:
- Бандиты! Что они с Аликом сделали! Я его сначала не узнала!

Ее окружили друзья, те, что ждали в сторонке, и она говорила, говорила. Человек в сером костюме, сидевший под деревом встал и направился к группе.

- Андрей Дмитриевич, они – бандиты! – женщина бросилась к нему, – но Алик молодец, держится хорошо, хотя очень бледный, узнал меня, кивнул.
Андрей Дмитриевич? Сахаров!!!

Это было время, когда в советских газетах всячески поносили академика Сахарова, публиковали письма «трудящихся» с его осуждением за его правозащитную деятельность. Еще в 1968 году на западе была опубли-

кована его работа «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (в СССР появившаяся в самиздате), которая наметила всю дальнейшую деятельность Андрея Дмитриевича, как защитника прав человека. Основные темы – о войне и мире, о диктатуре, сталинском терроре, свободе мысли, демографические проблемы, загрязнение среды обитания и той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. Те же темы прозвучали и в Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», которую зачитала на церемонии присуждения академику Андрею Сахарову Нобелевской премии Мира за 1975 год его жена Елена Боннэр. Сам Сахаров не присутствовал на вручении премии, боясь, что советские власти не выпустят его обратно на родину.

- Я хочу сделать заявление для прессы, – Андрей Дмитриевич произнес это спокойно, но прозвучало это очень весомо. К нему подошли корреспонденты из «Франс пресс» и тот, с фотоаппаратом, оказавшийся корреспондентом какой-то английской газеты. Они отошли в сторону и стали записывать заявление Андрея Дмитриевича.

Оказалось, что был объявлен перерыв в заседании суда, хотя из зала никто не вышел, кроме жены подсудимого Александра Гинзбурга Арины Жолковской и его адвоката, и друзья достали термос, бутерброды, чтобы накормить их. Публику, присутствующую на суде, кормили в буфете внутри здания. Неожиданно термос выпал из чьих-то рук и разбился. Наступила неловкая пауза.

- Это к счастью, – сказал я.
- Да, да, к счастью, – подхватил кто-то: очень хотелось в это верить.

К группе подошел Андрей Дмитриевич:
- Я пойду на почтамт, позвоню в Москву.

В Москве в это время шел громкий процесс над Анатолием Щаранским, «подкупленным международным сионизмом и империализмом», как писали советские газеты, обвиненным в шпионаже и измене Родине. Там «дежурила» Елена Боннэр (Надо сказать, что на время всего процесса международная телефонная связь с Калугой была прервана, а из гостиницы, в которой разрешено было поселиться только жене Гинзбурга Арине, и междугородняя).

После перерыва Арина вернулась в зал заседаний (из всех друзей Гинзбурга туда допустили только ее), а группа вместе с корреспондентами перешла на солнечную сторону улицы, и завязался разговор. Среди присутствующих оказался известный советский физик-ядерщик Сергей Поликанов, который, узнав, что корреспондент из Парижа, рассказал анекдот:

Один говорит другому:
- Что-то опять в Париж захотелось!
- Часто там бывал?
- Нет, часто хотелось.

Вернулся Андрей Дмитриевич, и они с Поликановыми стали прогуливаться по дороге рядом с судом. Непонятно откуда навстречу им появились двое («прохожих») (появились именно с той стороны, откуда проходила нет). Поравнявшись с ними, один, зло глядя на Сахарова:

- Сахаров... Небось, Цукерман какой-нибудь.
Поликанов вздрогнул от неожиданности, затем с усмешкой:

- Глас народа!
Андрей Дмитриевич примирительно:
- Ну, ладно, люди на работе.

Действительно «на работе», иначе и не могло быть: откуда советский человек мог знать Сахарова в лицо? По телевидению не показывали, в газетах портрета не печатали, всю жизнь был засекречен. А вообще, интересно задуматься над тем, что в СССР (да и сейчас в России) слово еврей или еврейская фамилия употребляются как обвинения человека в чем-то.

Вечером у гостиницы, куда проводила Арину, можно было наблюдать любопытную картину: в крохотный «Запорожец», еще первого выпуска, за рулем которого сидел Поликанов – член-корреспондент АН, Лауреат Ленинской премии – втиснулся, сложившись чуть ли не вдвое Андрей Дмитриевич, и они поехали в Москву, так как ночевать в Калуге им было негде. (Я подумал тогда: в этой нелепой пародии на автомобиль находят-

ся цвет, слава и гордость советской ядерной физики! Какой символ!) И так все дни пока шел процесс!

На следующий день перед тем, как идти на процесс, я зашел на рынок и купил пять роскошных алых роз. Мизансцена у суда была прежней. Интересно, что кроме меня и все тех же друзей Александра Гинзбурга, ночевавших неизвестно где, никого постороннего не было. Власть зря опасались проявлений какого-либо интереса, уже не говоря о протесте советских людей против происходящего. Уже заканчивался перерыв в заседании, и я, подойдя к Арине, протянул цветы:

- Держитесь!
Она улыбнулась, хотела что-то сказать, но ее окликнули – начиналось заседание.

Помахаив цветами, она скрылась за дверью. Я представил ее в зале суда, среди нагнанных туда каких-нибудь номенклатурных идеологических работников райкомов, горкомов и т.п. с букетом алых роз! Должно быть, впечатляющая картина! Но это продолжаться не должно. Минут через десять Арину вывели из зала суда якобы за реплику, брошенную ею в ходе показаний одного из «свидетелей» по поводу «аморального образа жизни» Александра Гинзбурга. Ее окружили друзья, подошел Андрей Дмитриевич. Корреспондент попросил разрешения сфотографировать ее с букетом роз на фоне здания суда. Охрана подошла и вежливо попросила отойти подальше и снимать так, чтобы здание не было в кадре. Вся группа переместилась на другую сторону улицы. Андрей Дмитриевич остался один. Я подошел к нему и сказал:

- Андрей Дмитриевич, Вы – великий человек. Вам поставят памятники в России. Не думайте, что все в нашей стране подонки.

Он удивился, улыбнулся своей какой-то светлой детской улыбкой, но ничего не ответил. К нему подошел Поликанов и отвел для какого-то разговора.

Я, поставив на землю портфель, стал ждать дальнейших событий.

- Это Ваш портфель? – вдруг вывел меня из задумчивости негромкий твердый голос. От неожиданности я даже вздрогнул – прямо передо мной стоял человек в штатском. Я обернулся – сзади с каким-то извиняющимся выражением лица стоял молодой миллионер

- Возьмите портфель и следуйте за мной, – все так же негромко приказал молодой человек.

Мы двинулись в сторону перегороженных двумя грузовиками ворот во двор суда. Протиснувшись между ними, оказались внутри уютного дворика. Из боковой двери вышел еще один молодой человек, который потребовал у меня паспорт. Меня обыскали, попросили вынуть все из портфеля. Там оказались ноты – я шел с репетиции. Спросили, что я делаю в Калуге.

- Это кто? – оживился штатский, доставая фотографию, которую я всегда ношу с собой.
- Папа.

Интерес сразу пропал и, забрав паспорт, молодые люди скрылись за боковой дверью в здании суда.

- Не связывайтесь с ними, – неожиданно произнес миллионер, – ничего хорошего от них ждать нельзя.

Я поблагодарил его. Один из молодых людей вернулся, отдал мне паспорт и предупредил, что если я еще раз появлюсь здесь, у меня будут большие неприятности. Затем показал на незаметную калитку в глубине двора и попросил уйти через нее.

- А как же я найду дорогу?
- Вам покажут.

Я не понял, но пошел к калитке, через которую попал на задворки городского парка. Пройдя несколько шагов по заросшей тропинке, увидел двух молодых людей, сидящих на какой-то самодельной скамейке и играющих в шахматы. С такой выправкой только в шахматы и играть!

- Вы откуда?
- Оттуда, – я указал назад, – как мне пройти к выходу из парка?

Они понимающе кивнули и показали путь. Через поворот тропинки опять сидели «шахматисты».

Выйдя из парка, я пошел в гостиницу. Стал накрапывать мелкий дождь. На душе было гадко. По щекам потекли слезы – слезы бессилия.

Дмитрий Цвибель

Хасидская майса

Основатель хасидизма, рабби Исроэл Баал-Шем, известный также под именем Баал Шем-Тов, или Бешт, владел не только тайнами Торы и творения, но и величайшим из всех секретов: он знал, каково предназначение каждого человека мира. Тех, кто безоговорочно верил в это и следовал его наставлениям, называли хасидами.

Каждому из своих хасидов Баал Шем-Тов раскрывал его жизненную задачу, а тому, кто явится главным героем нашей истории, - дал наказ рассказывать людям о... Баал Шем-Тове.

- Ты почувствуешь, когда остановиться, - добавил Бешт.

Почти десять лет хасид старательно и с радостью исполнял свою задачу, путешествуя, скитаясь из города в город. Рассказывая тысячам людей о чудесах Баал Шема, свидетелем которых стал лично, или о тех, о которых слышал от других людей.

И вот, однажды, кто-то рассказал ему, что в Витебске живет один богатый еврей, который за такие истории платит немалые деньги: десять рублей за новую историю, пять за те, что он уже слышал, плюс оплата дорожных расходов. Редкая удача! Путешествие в Витебск заняло два дня, но для нашего героя этот срок показался минутами. Он знал сотни историй, а в деньгах весьма и весьма нуждался.

В четверг поздним вечером он прибыл в роскошный дом богача, но так устал с дороги, что хотел только одного: выспаться, а завтра - подождет.

На следующий день, в пятницу, он продрал глаза лишь к полудню, а закончил молитву, когда самое время было готовиться к Субботе. Но ведь будет Суббота, - будет достаточно времени на рассказы.

К несчастью, в тот субботний вечер за трапезой, как ни старался, он не смог вспомнить ни одной из своих историй. Хасид решил, что после хорошего ночного отдыха его голова будет работать лучше, но этого не произошло. На следующий день повторилось в точности то же самое: едва он начинал повествование, как в его памяти происходил провал. Что бы он ни делал, результата не было. Через некоторое время нашему герою стало приходиться в голову, что он ходит с ума. Было очевидно, что происходит нечто странное. Хасид все позабыл. У него не было другого выхода, кроме как виновато замолчать.

Богач был раздосадован, но, несмотря на это, сам довел героя нашего рассказа в повозке до поезда, надеясь, что в последний момент в его памяти всплывет какая-нибудь история... Богач купил хасиду билет на поезд, сунул ему в карман несколько серебряных монет, чтобы хоть как-то его утешить (вид хасида красноречиво свидетельствовал, что ему очень не по себе) и довел его до поезда.

И вдруг, когда хасид уже поставил ногу на подножку вагона, он вспомнил!!!

- История!!! Ура! Я вспомнил одну майсу!!! - закричал он.

- Пожалуйста, не будем терять ни секунды!! - взволнованно произнес богач. Хасид вернулся в повозку, сел напротив богача и начал свое повествование.

Однажды, незадолго до Субботы, Баал-Шем собрал десять хасидов и велел им садиться в его повозку. Хасиды не стали задавать лишних вопросов, поскольку уже привыкли к подобным «путешествиям». Как обычно, едва

усевшись, они ощутили, что повозка полетела по воздуху, а через несколько мгновений приземлилась.

Выйдя, хасиды обнаружили, что находятся в совершенно незнакомом месте. Они стояли на большой и абсолютно безлюдной городской площади. Все лавки были закрыты. В стороне стояла сцена или кафедра. Было похоже, что ее соорудили совсем недавно. Вокруг сцены стояли огромные кресты, горели факелы. Очевидно, должна была состояться какая-то крупная церковная церемония.

Баал Шем-Тов приказал хасидам следовать за ним, покинул площадь, быстро зашагал по извилистым улицам города. Через несколько минут хасидская процессия входила в ворота еврейского гетто.

Баал Шем-Тов остановился рядом с одним из домов и стал стучать в дверь, пока не приоткрылась малопосенькая щель, и кто-то жарко зашептал изнутри:

- Вы что, сумасшедшие?! Что вы там делаете?!!

Было слышно, как отодвигаются щеколды, открываются замки. Дверь, наконец, отворилась, и хозяин неистово замахал, приглашая зайти, а затем в панике захлопнул за ними дверь.

- Сегодня один из самых страшных их праздников! Худшее из того, что может быть! - тяжело дыша выдавил хозяин дома, судорожно запирая засовы и замки. - Вам повезло, что я впустил вас! Еще несколько минут, и вся городская площадь будет полна понаехавшими отовсюду антисемитами. Сам дьявол - епископ Тадеуш, да будет стерто его имя, будет держать сегодня свою ежегодную пасхальную речь. Он полон злобы на евреев... Пойдемте, вы укроетесь у нас в погребке. Нельзя терять ни секунды!

Несмотря на его слова Баал Шем-Тов, похоже, куда не собирался бежать. Обращаясь к одному из учеников, он спокойно произнес:

- Сходи на площадь. Когда епископ начнет говорить, поднимись на сцену, дерни его за мантию и скажи, что у меня к нему срочный разговор.

Хозяин дома был потрясен! Широко раскрыв глаза, он в изумлении смотрел, как хасид отпер засовы, отворил дверь и выскользнул наружу. Он не понимал, что делать. Надо ли запереть дверь? Надо ли уходить в убежище? Ничего подобного он в жизни не мог себе представить! Самому лезть в огненную печь?!

Выйдя наружу, хасид отправился обратно на площадь. Теперь она была полна тысячами людей. Со всех сторон, в молчании, прибывали все новые и новые люди. Стояла тишина. Начиная темнеть.

Вдруг, словно ниоткуда, на сцену вышел епископ. В своей ярко-красной мантии и высокой остроконечной шляпе он предстал перед толпой. Огни факелов танцевали в его глазах. Огромный золотой крест, висевший у него на шее, дьявольски сиял в свете огня. Факелы и кресты, окружившие сцену, напомнили хасиду слышанные им ранее истории об инквизиции. Однако, выбросив из головы эти мысли, он подождал, пока епископ начнет говорить, закрыл на мгновение глаза, прошептал «Шма Исроэл» и, склонив голову, начал двигаться в направлении подиума. Удивительно, но никто не обращал на него внимания. Взгляды толпы были прикованы к епископу. Хасиду уступали дорогу, а он шел вперед. Наконец он был у цели. Глубоко вздохнув, ученик Баал Шем-Това еще раз произнес «Шма», схватил епископа за мантию и дважды потянул.

Епископ только начал очередную тираду, когда почувствовал, что кто-то дергает его за одежду, и глянул вниз. Он был потрясен, лицо его налилось яростью, но прежде,

чем он успел издать звук, хасид заглянул в его глаза и произнес:

- Баал Шем-Тов хочет видеть вас. Он говорит, что вы должны прийти к нему сейчас же.

Неожиданно епископ поблелел, его глаза широко раскрылись. Было видно, что он испуган:

- Не сейчас! - прошептал он. - Скажи ему, что я приду позже! Скажи ему: позже! УХОДИ!

Поразительно! Люди в толпе стояли неподвижно, как статуи, будто находясь под гипнозом. Никто ничего не замечал.

Итак, хасид вышел из толпы и вернулся к Баал Шем-Тову, уверенный, что выполнил свое поручение. Баал Шем-Тов был доволен:

- Иди обратно и скажи епископу, что если он не придет сейчас, потом будет слишком поздно.

Без колебаний хасид повернулся к двери, вернулся на площадь и сделал все, как было ему сказано. Как и в прошлый раз, он пробрался сквозь толпу и дернул епископа за мантию.

На этот раз, услышав слова Баал Шем-Това, епископ был поистине ошеломлен. Он сделал несколько шагов назад, взялся за голову руками и, обратив лицом к небесам, закричал толпе:

- Я получаю послание от моего господина!! Я должен остаться один!

Знаком он приказал хасиду уйти, проследил, как тот отправился в направлении еврейского квартала, а затем сам через черный ход спустился со сцены и побрел в том же направлении, зажав шляпу подмышкой.

Немного времени спустя, он вместе с хасидом стоял перед домом, где находился Баал Шем-Тов.

- Скажи, чтобы снял свои кресты перед тем, как войти сюда! - сказал изнутри Бешт.

Когда епископ вошел в дом и увидел лицо святого, он упал на пол и расплакался, как ребенок! Баал Шем-Тов обратил свое лицо к ученикам:

- Это человек был рожден евреем. У него даже была Бар-Мицва, однако, вскоре после этого он был заведен в церковь и, при известных обстоятельствах, стал тем ненавидимком евреев, которого мы видим пред собой сегодня. Я увидел в Небесах, что сегодня - благоприятный день для того, чтобы вернуть его в чувство.

Когда епископ перестал плакать, Баал Шем-Тов велел ему встать и пройти с ним в боковую комнату, где они закрылись и беседовали несколько минут.

Никто не знает, о чем они говорили, но чуть позже епископ, сменив одежду, оставил дом, в котором встретился с Бештом, и с тех пор никто его не видел.

- Это конец истории. - Хасид взглянул на богача и увидел, что тот улыбается от удовольствия. Ему понравилась история. Она настолько ему понравилась, что он закрыл глаза рукой, и слезы покатались по его лицу. Богач плакал, рыдая от счастья:

- Я ждал именно этой истории... - произнес он, вытер глаза и посмотрел на хасида.

Я тот самый епископ! Во время разговора в боковой комнате, о котором ты упомянул, Баал-Шем приказал мне жить в покаянии, пока не придет тот, кто расскажет мне мою собственную историю. Теперь я знаю, что Б-г услышал мои молитвы.

Из еврейской поэзии

Авраам Шлионский (1900-1973)

Авраам Шлионский родился на Украине недалеко от Кременчука. С 1921 года поселился в Палестине. Писал на ивритском языке. Много переводил русских поэтов и прозаиков.

Как вы пели про сердце: чертоги, и храм, и дворцы!

Украшайте ж его, коврами его застелите!
Мое сердце - будь хлев, будь загон для овец!
Козы, овцы, войдите и в нем поселитесь,

ибо мил мне навоз плодородный в сердцах.
Приходи ко мне, скот, размножайся, плодись!
Пусть бурлит молоко в ваших добрых сосцах,
пусть навоз ваш удобрит поля и сады!

Как вы пели про сердце: звезда среди тьмы!
Я для стад моих пастбищем стать пожелал.
Ваши звезды, плоды незрелой хурмы,
я давно уже с неба сорвал и сожрал.

Перевод Л.Цивьяна

Вот ты обручена...

Она лежит нагая предо мною,
туманом скрыты тучные поля,

Она лежит - невеста под фатою -
готовая к зачатию земля.

Созрели ее груди для кормленья
цветов и трав и буйно налились.
И словно бы кольцо при обрученье,
ей дарит вечер желтый лунный диск.

Вот ты обручена со мной травой,
сплетением мыслей, шелестом листья,
вот ты уже умашена водою,
навозом плодородным и живым,

украшена терновником и вишней
для глаз моих. И ты познаешь бремя
беременности: пахарь в поле вышел
чтоб овладеть тобой и бросить семя.

И я твоим томлением насыщен,
и изобилие твое в себе ношу я.
Тобою освящен я и очищен.

Земля в желанье... Аллилуйя!

Перевод Л.Цивьяна

Благодарение

Дождь!
Да святится имя его!
Влажная милость неба.
Пойте хвалу плодородности вод,
пойте хвалу хлебу.

Твоя радость в росе.
И тучны тяжело
Твоих грудей и чрева массивы.
Хлебу насущному бейте челом,
Хлебу спасибо!

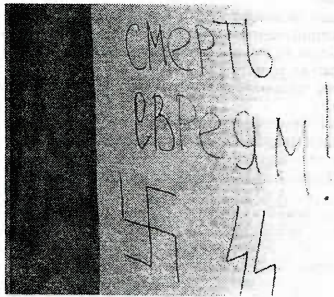
Перевод А. Пэнна
Иосиф Гин

В последнее время в русской еврейской прессе часто, даже чаще, чем это необходимо, звучит тезис: «Государственного антисемитизма сейчас в России нет». Может это и так. Но как объяснить буквально завалы на книжных прилавках крупных городов, особенно в Москве, не просто антисемитской «литературы», но какой-то патологическо-мазохистской писанины, про-

дающей совершенно открыто? Посмотрите на фотографии — они сделаны в нашем спокойном городе! А в последнем номере петрозаводского журнала «Север» появился роман Чебалина «Безымянный зверь» — это даже не антисемитизм, это нечто большее.

Приводим письмо еврейской религиозной общины а адрес редакции и Правительства РК.

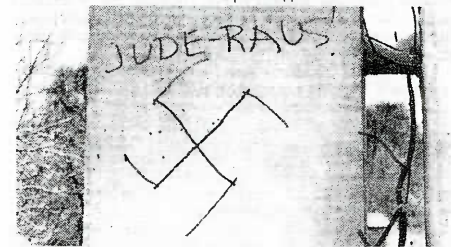

Главному редактору журнала «Север»
Панкратову С.А.
Копия — в Правительство Республики Карелия
Господин Панкратов

В редактируемом Вами журнале (№№ 4,5,6 за 2002 г.) появился роман «Безымянный зверь» Е.Чебалина явно антисемитского содержания. Сам факт подобной публикации вызывает возмущение, и, очевидно, отражает позицию редакции, тем более что автор не проживает в северном регионе, и его привлечение на страницы журнала, по крайней мере, кажется более чем странным. Подобного рода «литература» появляется время от времени в различных одиозных изданиях, но то, что это смогло быть отпечатано в журнале, среди учредителей которого значится Правительство Республики Карелия, и издаваемом в Петрозаводске, с его традициями спокойных межэтнических и межконфессиональных отношений, вызывает тревогу и озабоченность.

Мы бы хотели получить объяснение этому поступку журнала «Север».

Црибель Д.
председатель еврейской религиозной общины.
9 декабря 2002 года
Петрозаводск

Хэсэд Агамим поздравляет
ЕВГЕНИЮ ЕВГЕНЬЕВНУ КЕРЦ

с Днем рождения и желает здоровья, бодрости и до ста двадцати!

Наша кухня

Тефтели кисло-сладкие

3/4 кг. говяжьего фарша, 4 стл. тертого лука, 1 яйцо, 2 чл. соли, 3 стл. кукурузного крахмала, 2 стл. жира, 1,5 стл. говяжьего бульона, 2 стл. лимонного сока, 1 лимон, нарезанный тонкими ломтиками, 1/4 стл. изюма, 3 стл. сахара, перец, имбирь.

Смешайте фарш с луком, яйцом, солью и перцем, скатайте небольшие шарики и обваляйте их в крахмале, растопите жир в глубокой сковороде и обжарьте в нем шарики, затем положите лимон, изюм, сахар, залейте бульоном и лимонным соком, закройте крышкой и тушите на слабом огне 35 минут положите имбирь и продолжайте тушить еще 10 минут.

Рыба кисло-сладкая

2 луковицы, нарезанные тонкими кольцами, 2 лимона, нарезанные тонкими ломтиками, 1/4 стл. изюма, 1/2 ст. жженого сахара, 1 лавровый лист, 6 кусочков рыбы (щука, сиг, лосось), 2 чл. соли, 1/2 чл. имбиря, 1/3 ст. винного уксуса, 1/4 ст. рубленого миндаля.

Положите в воду лук, лимон, жженный сахар, изюм, лавровый лист и рыбу, посолите и варите в закрытой кастрюле на слабом огне 25 минут. Выньте рыбу на блюдо, а в бульон добавьте имбирь, уксус и миндаль и немного поварите на слабом огне, постоянно помешивая. Полейте этим соусом рыбу. Подавайте в горячем или холодном виде.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**ВСЯКИЙ, КТО НАЧИНАЕТ
ЧУВСТВОВАТЬ,
БУДТО СТАНОВИТСЯ СВЯТЫМ,
ПЕРЕСТАЕТ УЖЕ БЫТЬ ТАКОВЫМ.**

Яаков Исаак из Люблина

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ГОЛУБЕВУ

Инну Григорьевна

ПАХОМОВУ

Елену Леонтьевну

ПОПОВУ

Руфину Александровну

ИЦКАРЯ

Давида Хаймовича

ФИАЛКОВА

Михаила Нахмановича

ШЕНДЕРОВИЧА

Павла Ильича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!